

ЗАКОННЫЕ ПРОЦЕНТЫ

Верховный Суд РФ активно обсуждает одну из наиболее резонансных поправок раздела VI ГК РФ — норму о так называемых законных процентах. О том, к каким проблемам на практике приводит применение ст. 317.1 ГК, а также о том, нужно ли ее менять, мы спросили у наших экспертов.

АРТЕМ КАРАПЕТОВ

директор Юридического института «М-Логос», доктор юридических наук

— В целом ст. 317.1 ГК РФ является не вполне удачной и также не вполне продуманной. Положения о законных процентах в Проекте Гражданского уложения Российской империи, ГК РСФСР 1922 г., Германском гражданском уложении и ряде других кодификаций выполняли и выполняют совсем иную функцию: не устанавливают основание для начисления процентов, а фиксируют ставку, по которой рассчитываются проценты в случаях, когда их начисление предписано специальными нормами закона или договором, но соответствующая ставка таким законом или договором не оговорена. Действующий же ГК РФ решил превратить правило о законных процентах в универсальное правило о начислении процентов по любому денежному долгу. Это очень странно и беспрецедентно в мировом масштабе: во всем мире во все времена проценты по денежным долгам начислялись в силу закона либо в случае просрочки, либо по договорам, опосредующим предоставление денег в долг (заем, кредит, вклад и т.п.). Но дело в том, что и в случае с просрочкой, и в случае с предоставлением денег в долг имеются нормы закона, которые уже предусматривают начисление процентов (ст. 395 и 809 ГК). Законодатель, видимо, решил установить, что помимо этих ранее исчисляемых процентов по ст. 395 и 809 ГК кредитор вправе требовать по любому денежному долгу еще и начисления законных процентов. При этом соотношение этого нового вида процентов уже существующими процентами в ГК не определено. Из здравого смысла следует, что начисление законных процентов и процентов по договорам займа, кредита и вклада одновременно вряд ли возможно, так как оба вида процентов уплачиваются в качестве платы за пользование деньгами, т.е. выполняют одну и ту же функцию. А вот что касается процентов по ст. 395 ГК, выполняющих функцию своеобразной санкции за просрочку, то из системного толкования нынешней редакции ГК очевидно следует, что эти проценты и законные проценты по общему правилу должны начисляться одновременно.

В этом удвоении, в принципе, можно найти определенный практический смысл. Дело в том, что одних процентов по ст. 395 ГК явно недостаточно для того, чтобы создать необходимые стимулы погашать свои долги своевременно. Предусмотренные в ней ставка рефинансирования до июня 2015 г. и средние ставки по вкладам физических лиц сейчас на несколько порядков ниже, чем средние ставки по необеспеченным кредитам в рублях в реальной экономике. В силу этой разницы недобросовестным должникам выгоднее нарушать платежную дисциплину и пользоваться деньгами в нарушение своих обязательств, распла-

возврата ему денежных средств в случае отказа его от товара, то, очевидно, и проценты в этой ситуации должны рассматриваться не как мера гражданско-правовой ответственности, а как плата за предоставленный коммерческий кредит (ст. 823 ГК РФ). А значит, применение ст. 395, предусмотренной п. 4 ст. 487 «Предварительная оплата товара», по моему мнению, исключается.

Получается, что предписание в последнем предложении п. 4 ст. 487 ГК РФ требует изменения и конкретизации в части уплаты процентов как платы за предоставленный коммерческий кредит.

Если возникает вопрос о возможности начисления процентов по ст. 317.1 в случае предоплаты (авансирования) по договору в счет оплаты товаров, работ или услуг, то ответ на него должен зависеть от того, является ли лицо, получившее аванс, должником по денежному обязательству. Например, по договору возмездного оказания услуг получивший предоплату от заказчика исполнитель не является должником по денежному обязательству, следовательно, проценты по ст. 317.1 на такие суммы начисляться не могут.

В случае заключения договоров, предусматривающих периодическое внесение платы за временное владение и пользование или за временное пользование имуществом или длительное оказание услуг (договоры аренды, лизинга, коммерческого найма жилого помещения, хранения, оказания услуг связи, энергоснабжения и др.), важно понимать, с какого момента начинается пользование должником денежными средствами. Например, если по условиям договора энергоснабжения должник обязан вносить плату не позднее 10-го числа каждого месяца, следующего за оплачиваемым, то законные проценты на соответствующую сумму долга должны начисляться со дня, следующего за последним днем срока платежа, т.е. с 11-го числа месяца, следующего за оплачиваемым.

РОМАН БЕВЗЕНКО

партнер юридической компании «Пепеляев Групп», кандидат юридических наук

— Если сравнивать проценты по ст. 317.1 с процентами по ст. 395, то у них разная функция. Первые — это плата за оказанный кредит, вторые же — это законная неустойка, которая платится за нарушение денежного обязательства. Таким образом, проценты по ст. 395 ГК начинают течь с момента просрочки, проценты по ст. 317.1 — с момента предоставления кредита, т.е. с момента, когда какое-либо благо было предоставлено, должен был состояться обмен, но он не состоялся по причине отсрочки/рассрочки платежа.

Плата за кредит в виде процентов — это совершенно разумно, так как наш ГК по умолчанию (за исключением ряда случаев, не связанных с бизнесом) объявляет кредит платным. Другое дело, что форма этой платы бывает различной и довольно часто сидит в цене товара. Это особенно заметно, когда цена товара изменяется в зависимости от срока отсрочки: если оплачиваешь товар здесь и сейчас, он стоит 1 руб., если через две недели — 1,2 руб., через месяц — 1,5 руб. и т.д.

Разумеется, могут быть случаи, когда коммерческий кредит предоставляется без вознаграждения, в рамках конкурентной борьбы. Например, предпринимателю выгоднее купить товар, который стоит 1 руб., у того, кто

согласится на отсрочку в 1 месяц, чем у того, кто продаст этот же товар за 1 руб., но при условии немедленной оплаты по отгрузке. Таким образом, здесь есть безвозмездное кредитование на один месяц, но его каузой является не намерение облагодетельствовать (тогда это было бы дарением) контрагента, а желание подтолкнуть его к совершению сделки именно с этим поставщиком.

Никто не изучал, как часто коммерсанты включают плату за кредит в цену товара, как часто коммерческий кредит предоставляется с целью выигрыша в конкурентной борьбе, как часто коммерсанты просто забывают о плате за кредит и сильные должники заставляют слабых кредиторов предоставлять коммерческий кредит без какого-либо вознаграждения. Утверждения, что все коммерсанты включают плату за кредит в цену, расходятся с моим жизненным опытом. Скорее, о плате за кредит либо вообще забывают (потому что отсрочки и суммы незначительны), либо «забывают» (вследствие конкуренции).

В целом мне довольно симпатична идея процентов по ст. 317.1. Если есть желание, коммерсанты отменяют это положение договором. Но самое ценное в ст. 317.1 то, что она позволяет слабому кредитору защититься от сильного должника. Возьмем маленького производителя, который поставяет свой товар в торговую сеть. Воспользовавшись своей переговорной силой, сеть заставляет поставщика дать отсрочку оплаты товара на полгода (хотя бы он и был раскуплен в течение пары недель), и он вынужден согласиться, ведь больше ему поставяет товар некуда, своей сети реализации у него нет. В результате сеть получает бесплатный кредит от поставщика, и я не уверен, что экономически это правильно, ведь в противном случае сеть была бы вынуждена пойти за кредитом в банк, который бы потребовал уплаты процентов; сеть включила бы проценты в свою накрутку на цену товара, что незаметно «размазало» бы стоимость кредита, переложив ее на покупателей. Раньше поставщику нечего было противопоставить сети: практика толкования ст. 823 ГК предусматривала уплату процентов за коммерческий кредит только в случаях, если это прямо предусмотрено договором. Поставщику не с чем было идти, например, в антимонопольную службу и жаловаться на несправедливые договорные условия договора поставки.

Теперь же, как мне представляется, у поставщика в споре с сетью будет довольно сильный аргумент: по умолчанию на отсрочку должны быть начислены проценты (кстати, я считаю, что п. 4 ст. 488 ГК является старой нормой, которая не должна применяться в связи с новой нормой ст. 317.1). Если сеть, пользуясь переговорной силой, эти проценты исключает, то это повод подумать о ст. 428 ГК и правилах Закона о защите конкуренции и Закона о торговле.

Хотя бы этот эффект ст. 317.1 ГК заслуживает как минимум одобрения.

Что касается долгов, по которым текут проценты по ст. 317.1, то для меня очевидно, что раз уж эти проценты связаны с коммерческим кредитом и в соответствии с прямым указанием закона применяются только для сделок предпринимателей, то они не должны начисляться по деликтным и кондикционным требованиям. Кстати, это очень легко обосновать: в п. 2 ст. 307.1 ГК предусмотрено, что к недоговорным обязательствам нормы общей части обязательственного права применяются постольку, поскольку

это не противоречит природе соответствующих отношений. Понятно, что, совершая деликт, делинквент не имеет намерения получить коммерческий кредит от потерпевшего. Поэтому в целом я никаких особых проблем не вижу здесь, все можно решить правильным толкованием. Странно, что это вызывает какие-то сомнения, решение этой проблемы лежит на поверхности.

Далее. Проценты по ст. 317.1 начисляются с момента, когда было совершено предоставление должнику по встречному (денежному) обязательству: передан товар, оказана услуга, завершился период пользования предметом аренды и проч. Строго говоря, в этом и есть смысл коммерческого кредита: разорвать идею мгновенности обмена, отказаться от передачи товара и денег здесь и сейчас. Как мне кажется, возможность получения процентов, наоборот, должна подталкивать к тому, чтобы стороны договора охотнее обращались к кредиту. Именно на это, между прочим, была направлена в свое время норма о том, что тот, кто предоставил отсрочку по оплате, считается залогодержателем в силу закона в отношении проданного товара.

По поводу действия ст. 317.1 во времени скажу, что я свято верю в принцип, заложенный в ст. 422 ГК: на старые договоры новые нормы не должны распространяться. Особенно новые диспозитивные нормы. Поэтому ст. 317.1 должна применяться исключительно к договорам, заключенным после 1 июня 2015 г. Тут очень негативную роль сыграли неудачные переходные положения. К слову, именно переходные положения — самая слабая, на мой взгляд, часть нынешней реформы Кодекса. Они пишутся, насколько я понимаю, на основе каких-то методичек то ли Государственной Думы, то ли Государственно-правового управления Администрации Президента и на редкость неудачны, они порождают массу проблем. Переходные положения надо писать совершенно иначе.

Надо ли менять норму ст. 317.1? На мой взгляд, в основе содержащегося в ней решения лежит исключительно догматическое соображение о платности всякого кредита. Понятно, что жизнь богаче догм, но это норма закона, причем норма совсем свежая. Если судебная практика извратит сущность нормы, пойдя на поводу у соображений удобства (мнимого или действительного), то это будет очень и очень плохим сигналом: ах, не нравится эта норма в новом обязательственном праве? Давайте ее зарубим толкованием! Не нравятся заверения?! Давайте-ка их тоже «убьем»! О, какая глупость это ваше возмещение потерь! Выбросим и его!

Довод о неудобстве — это *slippery slope argument*, который может завести очень далеко. Не нравится ст. 317.1? Пойдите в парламент и убедите отменить ее. В конце концов, кому-то же ведь не понравилась ссылка на представительство в определении положения органа юридического лица, и интересанты добились отмены соответствующего положения в ст. 53 Кодекса.

Мне представляется правильным просто понаблюдать, как работает норма и через три-пять лет сделать какой-то вывод. И я не исключаю, что это решение действительно может быть ошибкой.

Но что совершенно точно не надо делать — это настраивать суды применять эту норму как норму о процентах за просрочку (при наличии посвященной именно

этому ст. 395 ГК). Это создает какую-то ауру недалекости законодателя, что совершенно не способствует уважению к Гражданскому кодексу.

ВАДИМ БЕЛОВ

профессор кафедры
коммерческого права и
основ правоуказания МГУ
им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук

— Статья 317.1 предусматривает проценты **за всякое пользование чужими денежными средствами** — как правомерное, так и неправомерное. Иного, во всяком случае, в ней не установлено. Следовательно, проценты по ней должны начисляться на суммы как *срочных* (регулятивных), так и *просроченных* (нарушенных, охранительных) денежных обязательств, хотя и пока только тех, что связывают *коммерческие* организации. Выходит, проценты по ст. 395 ГК должны не *заменять* собою законные проценты по ст. 317.1, а *взыскиваться наряду с ними*, т.е. складываться с ними. В итоге получается так: пока денежное обязательство *не нарушено* и должник пользуется чужими денежными средствами *законно* (правомерно), он платит за это проценты либо по ставке, предусмотренной договором, либо по ставке рефинансирования. Но как только денежное обязательство *нарушено*, должник обязан (а) продолжать платить проценты по ст. 317.1 ГК и (б) начать платить проценты по ст. 395. В итоге получатся проценты по ставке рефинансирования плюс проценты по средней ставке процента по вкладам физических лиц. Конечно, это не средняя ставка по банковским *кредитам*, и, возможно, даже не *двойная ставка рефинансирования*, но тем не менее это однозначно лучше, чем было раньше. К тому же только такое толкование и применение закона позволяет объяснить замену ранее содержавшегося в ст. 395 указания на «охранительные» проценты по ставке рефинансирования указанием на охранительные проценты по «средней ставке банковского процента по вкладам физических лиц» — ставке, которая (как показывает только-только начавшая формироваться практика) обычно ниже прежней ставки рефинансирования. Вряд ли законодатель хотел сказать: уважаемые коммерческие организации, *правомерное* пользование денежными средствами (по ст. 317.1) теперь вам обойдется *дороже* (!), чем *неправомерное* (по ст. 395). Единственный способ не допустить такого оригинального толкования — это **сложить** проценты по обеим статьям в случае, если пользование деньгами становится неправомерным.

По вопросу о долгах, по которым текут проценты по ст. 317, могу сказать, что дело не в том, есть ли долги и какие они, а в том, что происходит **пользование чужими деньгами, которое** в отношениях между **коммерческими** организациями (а именно им адресована статья!) **не может быть безвозмездным**. Представляется, что идея, заложенная в статью, именно такова, а формулировка «денежные обязательства» здесь совершенно ни при чем. Точнее, наличие денежного обязательства (договорного или внедоговорного) может быть сигналом к тому, что имело место пользование денежными средствами, за которое надо заплатить; а его отсутствие ни о чем не говорит. Денежного *обязательства* может не быть, но пользование чужими денежными средствами может наличествовать. С каких пор основанием уплаты процентов стала юридическая квалификация денежных сумм? Если сумма является *предметом обязательства* — надо уплатить проценты, не является — не надо. В конце концов юриспруденция — штука чисто техническая, а юридическая квалификация — вывеска; откуда тогда такой пиетет перед вывеской? Да, статья говорит, как кажется, именно об этом, но в то же время она не менее четко говорит и о другом — о том, за что платятся проценты — «за период